

Качазнуни Ованес

Сто десять дней в Европе

Из запискнижки туриста

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
О-31

О-31 **Ованес К.**
Сто десять дней в Европе: Из запискижки туриста / Качазнуни Ованес – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 196 с.

ISBN 978-5-519-88727-4

ISBN 978-5-519-88727-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Но, само собою разумѣется, положеніе вещей — и такъ достаточно уже скверное — отъ этого ухудшалось еще болѣе. Сонъ не приходилъ. Въмѣсто сна какой то дикій хаосъ безпорядочныхъ мыслей, образовъ, фразъ и словъ — отрывочныхъ, безпокойныхъ, назойливыхъ, перебивающихъ и обгоняющихъ другъ друга, раздражающихъ полнѣйшей нелѣпостью и неодолимымъ упорствомъ...

...Парижъ, столь чудный въ гнѣвъ роковомъ,

Парижъ, предъ коимъ склоняется міръ привыкъ...

И чтожь-жь? О, стыдь!...

Этотъ отрывокъ изъ какой то оды Барбье съ вечера засѣлъ мнѣ въ голову и тиранилъ всю ночь. За эту ночь я успѣлъ возненавидѣть и Барбье, написавшаго оду, и Буренина, переведшаго его на русскій языкъ, и свою проклятую способность легко запоминать всякую стихотворную ерунду.

И чтожь-жь? О, стыдь!...

Дальше я не помнилъ, и это было тѣмъ хуже, потому что едва я успѣвалъ дойти до этого мѣста, какъ уже поворачивалъ назадъ и начиналъ сызнова:

...Парижъ, столь чудный...

Чтобъ отдѣлаться отъ этого мучительнаго бреда, я, вспомнивъ гдѣ то вычитанный рецептъ, попробовалъ считать, — сначала до ста, потомъ до трехсотъ, потомъ до пятисотъ... Ниче-

го не помогало. Барбье и Буренинъ и не думали уступать. Чѣмъ настойчивѣе повторялъ я слова счета, тѣмъ громче выкрикивали они мнѣ въ ухо свои проклятые стихи...

Сто два, сто три, сто четыре — пробовалъ считать я — въ гнѣвѣ роковомъ! кричали Барбье и Буренинъ — сто пять, сто шесть, сто... въ гнѣвѣ роковомъ! въ гнѣвѣ роковомъ!...

Этотъ «гнѣвъ роковой» извелъ меня окончательно. Отъ частаго повторенія я пересталъ понимать смыслъ словъ. Что такое «въ гнѣвѣ роковомъ?» Почему «въ гнѣвѣ роковомъ?» и какого дьявола нужно отъ меня этому «гнѣву роковому», — чтобъ ему пусто было!

И вотъ слова стали представляться мнѣ не словами, а какими то большеголовыми, уродливыми фигурами, прыгавшими, кувыркавшимися, танцовавшими передъ моими закрытыми глазами бѣсовскій танецъ и строившими мнѣ самыя возмутительныя рожи...

Наконецъ, я не выдержалъ; всталъ, одѣлся и подсѣлъ къ окну, хотя было еще совершенно темно. Сѣлъ и, сидя, заснулъ. И крѣпко, должно быть, спалъ, такъ какъ не замѣтилъ, какъ въѣхали въ Парижъ.

Разбудилъ меня сосѣдъ - храпунъ, уже совершенно одѣтый, бодрый, свѣжій и веселый.

— Мосье, мы пріѣхали.

Парижъ!...

Я жадно прикинулъ къ окну, но въ

раннихъ сумеркахъ зимняго утра, сквозь густой туманъ, ревниво окутавшій городъ, ничего не могъ видѣть.

Черезъ десять минутъ я ужъ ѣхалъ съ вокзала въ гостиницу. Ѣхалъ долго, съ опущенными въ обѣихъ дверцахъ фіакра стеклами, вглядываясь напряженно въ предразсвѣтную мглу, но Парижа не находилъ. Я видѣлъ только смутныя, едва уловимыя очертанія безъ перерыва слѣдовавшихъ другъ за другомъ зданій, ряды слабо мерцавшихъ газовыхъ рожковъ и пустынные, молчаливые троттуары...

Это былъ тотъ переходный часъ, когда Парижъ на короткій мигъ перестаетъ быть Парижемъ: ночная жизнь уже кончилась, дневная — еще не началась...

На улицѣ.

Гостиница, куда я пріѣхалъ съ вокзала (черезъ день я вынужденъ былъ покинуть ее при обстоятельствахъ, о которыхъ, можетъ быть, расскажу впоследствии) выходила окнами на площадь Pantheon. Отдохнувъ тутъ немного, напившись кофе (очень сквернаго, между прочимъ) и расфрантившись, насколько хватало моего умѣнія и моего гардероба, я пошелъ бродить по городу.

Было часовъ 10 утра.

Пройтя коротенькую улицу Soufflot, я вышелъ на бульваръ St. Michel и вдругъ почувствовалъ себя въ Парижѣ: я сразу же сталъ лицомъ къ лицу съ

величайшей достопримѣчательностью Парижа — парижской улицей.

Первое впечатлѣніе, очень сильное само по себѣ, усиливалось съ каждымъ шагомъ, по мѣрѣ того, какъ я проходилъ кварталъ за кварталомъ, подвигаясь къ центру города.

Грандіозныя улицы съ превосходными мостовыми и троттуарами, гладкими и чистыми, какъ паркетъ. Нескончаемые ряды монументальныхъ зданій, безъ перерыва слѣдующихъ одно за другимъ. Блестящіе магазины и еще болѣе блестящіе кафе, стремящіеся затмить другъ друга безумной роскошью или артистическимъ изяществомъ, смѣлой оригинальностью или солиднымъ богатствомъ внѣшней и внутренней отдѣлки.

Невообразимый хаосъ экипажей, — каретъ, фіакровъ, omnibusовъ, трамваевъ, фургоновъ, ручныхъ тѣлежекъ и тѣлежекъ, запряженныхъ собаками, осликами...

А самое главное — безконечная, безграничная, волнующаяся и шумливая какъ море толпа на троттуарахъ...

Первое впечатлѣніе ошеломляющее, подавляющее. Невскій проспектъ въ Петербургѣ или вѣнскіе Ринги — это просто скромныя провинціи рядомъ съ блестящимъ, шумнымъ и шикарнымъ Парижемъ.

Форменной одежды здѣсь что то не видать. За исключеніемъ кондукторовъ и великолѣпныхъ городскихъ, другіе представители униформы совершенно те-

ряются среди цивильныхъ костюмовъ. Солдаты попадаются не часто — не то, что въ Вѣнѣ — и они далеко не такъ шикарны, не такъ выправлены; они напоминаютъ скорѣе русскаго солдата, — вотъ развѣ что ростомъ немного не удались.

Знаю, что Франція «воинственна» не менѣе всякой другой великой державы; но въ Парижѣ это не чувствуется. Это городъ по преимуществу мелкихъ буржуа, чиновниковъ, конторщиковъ, артистовъ, студентовъ, прожигателей жизни, кокотокъ...

Художникъ - импрессионистъ могъ бы изобразить парижскую улицу въ зимній вечеръ въ такихъ, примѣрно, контурахъ и пятнахъ: грандіозный бульваръ, залитый моремъ огня, — красноватыми, блѣдно-синими или желтоватыми снопами электрическаго и газоваго свѣта; широкій, гладкій какъ полированное стекло и мокрый отъ дождя тротуаръ, въ которомъ отражаются трепетные свѣтовые блики и мигаютъ, то отчетливо вырисовываясь, то переплетаясь въ самыхъ фантастическихъ сочетаніяхъ, высоко поднятыя юбки, шикарно обутыя ножки, мужскіе брюки, засученные надъ лакированными штиблетами, картонки, портфели, приподнятые воротники пальто, блестящіе цилиндры и волнующаяся, хаотическая крыша раскрытыхъ черныхъ зонтиковъ...

На парижскихъ улицахъ и площадяхъ великое множество фонтановъ, и всѣ они отдѣланы артистически. Это — цѣлая архитектурно-скульптурная сооруженія, иногда очень сложныя и очень помпезныя. Композиціи населены обыкновенно болѣе или менѣе большимъ обществомъ бронзовыхъ и каменныхъ дамъ и дѣтей въ самыхъ легкомысленныхъ, — чтобъ не сказать большаго, — костюмахъ. Эти несчастныя жертвы муниципальной эстетики неизмѣнно улыбаются вамъ, стараясь дѣлать видъ, будто имъ очень весело...

Не сомнѣваюсь, что въ знойный лѣтній полдень они должны производить самое выгодное для себя впечатлѣніе. Но сейчасъ, зимою — въ дождь, слякоть и холодъ — нельзя видѣть безъ нѣкотораго внутренняго содроганія этихъ мокнущихъ подъ ледяными струями голыхъ дамъ и дѣтей.

Удивительно, что всѣ «фонтанные» художники разсчитываютъ на одинъ лишь лѣтній эффектъ. Никому изъ нихъ не приходитъ въ голову, что солнце печетъ не круглый годъ; что добрыхъ шесть мѣсяцевъ въ году, человѣкъ, въ особенности имѣющій дѣло съ водою изъ городского водопровода, нуждается въ тепломъ и исправномъ костюмѣ.

Ужъ если почему либо необходимо посадить подъ ледяной душъ этихъ нѣмыхъ дамъ и ни въ чемъ не повинныхъ дѣтишекъ, то слѣдовало бы по крайней

мѣрѣ снабдить ихъ непромокаемыми плащами или хотя бы только порядочными зонтиками.

Не говорю уже о простомъ чувствѣ человеколюбія, но этого требуетъ самая элементарная справедливость.

Вокругъ Лувра.

Прямо противъ выхода изъ моей гостиницы высится громада Луврскаго дворца. Это наиболѣе частый пунктъ моихъ паломничествъ, но зданіе въ его цѣлости я знаю плохо. Однажды я задумалъ обойти его кругомъ; задумалъ, но не исполнилъ: слишкомъ ужъ длинный путь. Я отнюдь не склоненъ привирать, но — честное слово! мнѣ кажется, что, по одной улицѣ Риволи, Лувръ вмѣстѣ съ неразрывно связанными съ нимъ остатками Тюльери имѣетъ въ длину развѣ только немногимъ менѣе версты.

Архитектура зданія очень мало говоритъ моему сердцу. Знаю, что это одинъ изъ лучшихъ памятниковъ французскаго ренессанса и въ нѣкоторыхъ частяхъ (павильонъ часовъ, напр., или колонада на площади St. Germain l'Auxerrois) дѣйствительно очень хорошъ; но такъ какъ самый стиль совершенно чуждъ моей душѣ, то и впечатлѣніе въ общемъ сводится къ нулю.

Громадное количество скульптуры, украшающей или имѣющей украшать всѣ фасады (наружные и надворные) сливаются въ одно съ общей темносѣ-

рой массой зданія и не останавливаютъ вниманія.

Недалеко отъ Лувра скромно пріютилась кальвинистическая церковь, — затертое между сосѣдными домами, небольшое зданіе въ стилѣ бароко, — съ памятникомъ адмиралу Колиньи. Церковь мизерная, памятникъ — приличный.

Далѣе слѣдуетъ, на площади того же имени, церковь St. Germain l'Auxerrois, на вѣки опозоренная тѣмъ, что въ гнусную ночь св. Варѳоломея отсюда былъ данъ первый сигналъ къ рѣзнѣ гугенотовъ во славу католической церкви.

Такое близкое сосѣдство этихъ двухъ зданій наводитъ на успокоительныя размышленія. Хочется вѣрить, что памятникъ славному адмиралу — первой жертвѣ той кровавой ночи — поставленный *vis-à-vis* съ церквою св. Жермэны, есть памятникъ побѣды свободного духа надъ безуміемъ и преступленіемъ.

По преданію (отнюдь не невѣроятно-му) въ подвигахъ этой ночи принималъ персональное участіе самъ благочестивѣйшій король Карль IX. Его наихристіаннѣйшее величество, засѣвъ за окнами Лувра, собственноручно палилъ изъ мушкетона въ обезумѣвшую, беззащитную толпу гугенотовъ, выгнанныхъ изъ домовъ на площадь св. Жермэны и послѣ cadaго удачнаго выстрѣла осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ...

Когда вспомнишь объ этомъ, а также и о томъ, что сейчасъ за прекрасной луврской колонадой не сидитъ уже милосердный король съ мушкетонемъ въ рукѣ, то съ облегченіемъ переводишь духъ и нѣсколько выше подымаешь голову.

Еще дальше — одиноко стоящая въ небольшомъ скверѣ башня, единственный остатокъ отъ бывшей здѣсь нѣкогда церкви св. Якова. Церковь разрушена во дни великой революціи, — той самой, которая выгнала Карла IX изъ луврскаго дворца. Дикая оргія разрушенія и неистовство народныхъ массъ, доведенныхъ до крайнихъ предѣловъ отчаянія, способны вселить ужасъ въ самое закаленное сердце. Но когда подумаешь хорошенько о Карлѣ IX и его мушкетонѣ, то уже перестаешь сожалѣть о разрушенной церкви.

Башня исполнена въ высокой готикѣ и во многихъ деталяхъ крайне наизидательна, какъ яркій примѣръ упадка стиля, пережившаго самого себя и прикрывающаго недостатокъ искренняго вдохновенія манерностью и изысканностью.

На Гревской площади.

А вотъ и Гревская площадь, лобное мѣсто Парижа. Нынѣ она называется площадью Городского дома; но мнѣ нравится больше старое названіе: оно даетъ воображенію такую обильную пищу! Сколько здѣсь разыгралось кровавыхъ драмъ! Сколько тутъ было сложено буйныхъ головъ! Сколько начинаній,

задуманныхъ въ глубокой тайнѣ, — начинаній, иногда смѣлыхъ и великихъ, иногда смѣлыхъ и позорныхъ — находило здѣсь свою кровавую развязку!

Городской домъ или, выражаясь по-французски, Дворецъ города. И это дѣйствительно дворецъ. Онъ имѣетъ за собою такое богатое прошлое, какимъ могутъ похвалиться не многіе дворцы коронованныхъ особъ. Онъ правилъ Парижемъ наравнѣ съ Лувромъ и Тюльери, а со временъ великой революціи является уже полновластнымъ господиномъ судебъ и города, и всей Франціи.

Это очагъ и центръ всѣхъ политическихъ переворотовъ за цѣлое столѣтіе. Если исторія Франціи есть не болѣе, какъ исторія города Парижа, то — въ свою очередь — исторія Парижа есть только исторія Городского дома. Городской домъ — это памятникъ побѣды и торжества буржуазіи, апологія третьяго сословія.

Къ нему подходишь съ великимъ почтеніемъ, памятуя его заслуги въ роли піонера исторіи. Но, можетъ быть, недалеко время, когда онъ обратится въ своего рода Бастилію, въ предметъ ненависти и отвращенія для народившагося и уже крѣпнущаго четвертаго сословія; когда непреоборимый ходъ исторіи приведетъ это четвертое сословіе — аристократію труда — на смѣну третьяго сословія, аристократіи денегъ, какъ въ свое время аристократія денеж